I

Сразу же после звонка в кабинет физики вошел молодой человек среднего роста и довольно худощавого телосложения. Одет он был чересчур просто: темно-синие джинсы, подпоясанные черного цвета кожаным ремнем с серебряной бляшкой, на мгновение сверкнувшей от света люминесцентной лампы, и синяя хлопковая рубашка в клетку. Когда скрипнула старенькая, при открытии просящая ее смазать маслом дверь, в классе стало вдвое тише; слышались только перешептывания на задних партах — "галерках", как их называют в народе. Вошедший молодой человек сделал два больших шага и оказался за учительским столом, на котором лежал маленький лоток для мела из нержавеющей стали, стопка тетрадей вперемешку с оборванными листочками в клеточку, дешевенький лэптоп и мышка, давным-давно тайком взятая в кабинете информатики. Внимание учеников обратилось на этого молодого человека, который поверхностно на них смотрел: видно было, как за очками в квадратной оправе его близорукие глаза поспешно пробегали с одной головы на другую, останавливаясь на каждой не более секунды; смущенная улыбка дорисовывала картину обеспокоенности и тревожности молодого человека.

В классе, где несколько секунд стояла тишина, снова начались перешептывания. Вдоволь рассмотрев учащихся, молодой человек заговорил.

— Всем здравствуйте. Я ваш новый учитель по физике, заменяю уволившегося Николая Петровича. Зовут меня *Иван Сергеевич Дмитриев* — можете просто Иван, — произносил он будто заготовленную речь. В его голосе едва слышалось волнение, но он старался его скрыть, что у него получалось хорошо: все ученики внимательно слушали учителя, и после небольшой паузы он продолжил:
— Эм-м, сегодня мы будем проходить тему «Законы взаимодействия и движения тел», — и записал эти пять слов на доске, попросив учеников открыть тетради. Все двадцать две головы склонились над тетрадями и старательно записывали то, о чем учитель рассказывал и что выводил мелом на доске. Ближе к половине урока он взял книжечку в твердом переплете с пожелтевшими страницами, минуту ее полистал в тишине, потом со словами: «А теперь давайте решим вот такую задачу» прочитал вслух ее условия и, не отрывая взгляда от книжки, крупным почерком написал их и еще некоторые формулы на доске.

— Вместе постараемся решить простую задачу, — сказал он и принялся рассуждать над решением.

Большая часть класса при решении молчала. Только один ученик на передней парте с одной черной ручкой и тонкой тетрадью на парте отвечал на вопросы учителя. Через десять минут простая задача была решена, доска вымыта и урок продолжился.

Пока записывали первый закон Ньютона, прозвенел звонок. Ученики быстро сложили свои вещи в рюкзаки и выбежали из кабинета. Учитель чуть было не забыл про домашнее задание, о чем ему напомнила опрятно одетая девушка с двумя каштанового цвета косичками — староста класса, быть по-другому не может.

— Передай своему классу: дописать первый, второй и третий законы Ньютона, выучить их и прочитать параграф номер один, — сказал Иван Сергеевич девушке, великолепно играющей роль старосты.

— Обязательно, Иван Сергеевич, — серьезно ответила она и горделивой походкой двинулась следом за убежавшим потоком своих однокашников.

На протяжении пяти минут класс пустовал. Дмитриев вовремя кое-что вспомнил: ему нужно зайти к директору, отметиться, что провел первый урок, и, по возможности, задать несколько вопросов главной в школе даме. «Но где же кабинет директора?» — спросил он себя и отправился на его поиски.

До конца перемены оставалось десять минут. Дмитриев вышел из кабинета, недолго прошелся по коридору и увидел, что к нему навстречу шла женщина пятидесяти лет с заметной на голове проседью и морщинами. Дмитриев остановился спросить у нее, где кабинет, и в итоге получил вполне ясный ответ. Зайдя в ухоженный и красивый кабинет директора, он никого там не обнаружил и сел на черный, обитый мягкой тканью стул. Дмитриев несколько минут разглядывал всякие канцелярские принадлежности, лежащие горой на столе: кипы бумаг, папки, ручки, карандаши, скотч, пока невдалеке послышались шаги. В кабинет зашла полная дама в возрасте, в строгом обтягивающем платье; волосы мертвым узлом были завязаны в пучок. Очков эта дама не носила. Как только она села на свой стул с удобной мягкой спинкой, обратилась к Дмитриеву тем чистым, литературным выговором, не терпящим ни одного оплошно сказанного слога.

— Зачем пришли, Иван Сергеевич? — спросила она и стала перебирать бумаги, на секунду останавливаясь на некоторых.

— Мне нужно отметиться, что я провел урок, — ответил Дмитриев.

— Одну минуту… Вы, я смотрю, довольно дисциплинированный человек, Иван Сергеевич, — похвалила она Дмитриева.

— Спасибо, мне приятно, — чуть улыбнувшись, сказал Дмитриев. Он попытался вспомнить ее имя, но в голову пришло только отчество — Анатольевна. Из вежливости спрашивать во второй раз имя (первый раз было на собеседовании неделю назад) он не стал, пока не понадобится в нужный момент открыть рот, так что стал лишь молча наблюдать за грациозными движениями директрисы.

— Где же эта папочка?.. Нашла! — вполголоса обрадовалась она и продолжила перебирать бумаги, только уже в объемной папке на кольцах, а не на столе. — Нашла вас. Итак, вы пишете сегодняшнюю дату здесь, — она пальцем указала куда, — класс — здесь. Вы помните, у какого класса провели урок?

— У девятого.

— Буква какая у него?

— Я не помню, но помню, как выглядит староста.

— И как? — спросила она и приготовилась слушать молодого учителя, откинувшись на спинку здорового стула.

Он описал девушку с каштановыми косичками и карими глазами.

— Это девятый "А", — вспомнив учеников с доски почета, помогла разобраться директриса, знавшая всех отличительных учеников наперечет. — Продолжайте. Вот здесь номер урока пишите, тут — тему сегодняшнего урока и домашнее задание, которое вы им задали.

Дмитриев со своим крупным почерком едва уместился во все маленькие клеточки и подписался под ведомостью. Под местом, где нужно было указать дату, стояли инициалы директора: Карягина Е.А. «Точно! Она Елена Анатольевна!»

— Ну вот и все, Иван Сергеевич, — сказала Елена Анатольевна, достав откуда-то недопитую кружку чая, где лежала миниатюрная узорчатая ложечка. — Не хотите ли попить чаю?

— Нет, спасибо: уже скоро звонок, и нужно подготовиться к уроку, — вежливо объяснил отказ Дмитриев.

«Какой молодец, и за временем следит!», — подумала Елена Анатольевна.

Дмитриев встал из-за стола из ламинированного ДСП и без каких-либо уговоров со стороны директрисы остаться хотя бы на минуту вышел из кабинета. Быстро сориентировавшись в просторном коридоре, он поднялся на следующий этаж и прошел в свой кабинет, куда не спеша заходили новые ученики. До звонка оставалось пару минут, и Дмитриеву необходимо было прямо сейчас понять, что перед ним за класс, и подготовиться к уроку.

— Вы какой класс, ребята? — обратился Дмитриев к ребятам.

— Седьмой, — ответили ему некоторые.

«Так, расскажу-ка им про физические величины. У них первый урок, так что можно такую легкую тему дать», — подумал Дмитриев и принялся искать задачник для седьмого класса. Однако именно для седьмого класса он не нашел. Вошедшие по звонку ученики застали Дмитриева за поиском книжки и несколько удивленно на него посмотрели. Учитель протер очки и попросил сесть учеников, после чего, махая правой рукой, написал на доске тему урока. Следующие сорок минут Дмитриев пытался доходчиво и понятно, как его учили, объяснить совсем уж простую тему.

— Откройте тетради. Сегодня будем записывать мало, — сказал он, и только некоторые ученики открыли тетради и что-то туда записали.

По прошествии пяти минут с дальних парт послышались чьи-то голоса. В классе мало-помалу становилось шумнее. Какой-то семиклассник попросил учителя выйти, и, когда Дмитриев спросил, куда же ученику нужно, он сказал: «В туалет».

Половина класса надорвала от смеха животы. Стало совсем громко.

— Прошу тишины, — сказал тихо Дмитриев. Его голос услышали только с первых парт. Свою просьбу Дмитриев повторил еще раз, но так же безуспешно; ученики с передних парт помогали Дмитриеву унять одноклассников, однако и совершенно серьезные замечания своих же товарищей никак на смеющихся не повлияли.

— Тихо, я сказал! — крикнул как можно громче Дмитриев, и ледяная рука опасения за свой крик коснулась его, вызвав неумную дрожь. Убийственно холодный взгляд зеленых глаз Дмитриева напугал уже всех. Шумные ученики замерли, и тут же в классе наступила мертвенная тишина, нарушаемая едва слышимым тиканьем настенных часов. Дмитриев глубоко вздохнул и продолжил урок, но уже с застрявшим комом в горле.

Когда прозвенел звонок и ребята со всей силы побежали из класса, Дмитриев не переставал волноваться и упрекать себя за то, что накричал на детей. «В конце концов я ведь мог постучать вот этой длинной линейкой по парте! — размышлял Дмитриев, сидя на громко скрипящем стуле, с давно отломанной спинкой, согнувшись и закрыв лицо вспотевшими ладонями. — Только прошел второй урок, а на меня они уже могут пожаловаться: “А вот наш новый учитель кричит на нас, сделайте что-нибудь!” — кто знает этих семиклассников? Нет, Иван, зря же ты стал учителем физики! Хотел ведь на филолога поступать: сидел бы где-нибудь сейчас в библиотеке да рылся бы там в книжках, изучал древние языки, какую-то бы денежку получал, и не пришлось бы заниматься с этими непослушными детьми. Хотя есть ведь хорошие дети и в этом классе, и в том, девятом. Все-таки есть какая-то надежда. Эх, была бы возможность как-нибудь все исправить!» Дмитриев, никем не замеченный, так просидел еще с минуту: кроме него, в классе никого не было; за не закрывающейся до конца дверью слышался частый топот ног, да изредка — стук каблуков. Молодой учитель наконец показал свету свое немного покрасневшее лицо; вспомнив про то, что у него есть расписание своих уроков на неделю, он достал вдвое сложенную бумагу из своего рюкзака, “пузом” кверху лежащего под столом, просмотрел ее и стал терпеливо ожидать еще одного девятого класса.

Чересчур сложное испытание прошел бы Дмитриев, если бы один на один остался со знаменитым в этой школе девятым “Г” классом. Практически каждый ученик оттуда шел по тонкому льду, то есть оценки получал ужасные, но не настолько, чтобы иметь у кого-либо право их исключить и направить в вечернюю школу. За восемь лет обучения у детей, которые уже не могут учится выше, чем на тройки и двойки, к учебе в общем и к преподавателям в частности складывается, мягко говоря, плохое, даже дурное отношение, и потому вместе со скверными оценками приходит и скверное поведение. Именно так и случилось с девятым “Г” классом, который отличился перед всем начальством еще два года назад во время

классного часа на Первое сентября. Именно тогда в классе появились два очень уж незаурядных парня и две такие же девушки. Члены образовавшегося в один день квинтета хотя и не был знакомы до этого ни разу, но показались бы иному человеку не разлей вода. О том, что произошло тогда на классном часу, стоит, пожалуй, за ненадобностью умолчать…

Итак, Дмитриеву предстояло провести урок в этом классе. До следующего звонка осталась минута, но класс по-прежнему пустовал, так что Дмитриев сидел один. “Странно, — подумал он. — Неужели никого не будет?” К сожалению, будет. Дверь отворилась, и толпа говорящих почти что криком людей вошла в кабинет, не глядя даже на учителя и не здороваясь с ним. Кинув рюкзак на пол и сев за парту, кто-то посмотрел на Дмитриева, посмеялся и сказал вслух, видимо, даже не подумав, что Дмитриев услышит его. “Это что, новый учитель?” — едва прорезавшимся голосом сказал он и тут же рассмеялся. Дмитриев молча посмотрел на высокого, гладко постриженного парня, и тот ему сказал так, будто они были давними приятелями: “Здравствуйте!” на что Дмитриев ответил то же самое интонацией пономаря.

Треть класса достала телефоны, остальные же улеглись на парту. Когда прозвенел звонок, тихонько открылась дверь кабинета, и женский голос позвал учителя по имени-отчеству. Выйдя, Дмитриев разглядел, несмотря на полутьму коридора, сильно затененную фигуру дамы в строгом платье и с насмерть завязанным пучком волос. Рядом с директрисой стояла еще какая-то женщина с длинными черными — это было понятно даже в полутьме коридора, — падающим до талии, выглаженными утюгом волосами и прямой челкой. Ее большие, неясного цвета глаза как-то обеспокоенно глядели на Дмитриева, но при этом сама женщина была спокойна.

— Иван Сергеевич, — начала директриса, — этот класс совершенно невыносим. У вас мало опыта, тяжело будет справиться с ним, а оставлять вот так, тет-а-тет с ними, я вас не могу... Вот, Марья Сергеевна, наш завуч, вам поможет с ним.

Дмитриев поздоровался с Марьей Сергеевной и пожал ей руку. Директриса сделала шаг к Дмитриеву и сказал шепотом:

— Они ее боятся черт знает, как! Не переживайте, — и отшагнула. Марья Сергеевна, улыбаясь и часто моргая, смотрела на Дмитриева и на Елену Анатольевну. — Ну что, удачи вам с этим классом, Иван Сергеевич!

— Спасибо, — сказал он.

— Пойдемте в класс, Иван Сергеевич, — предложила Марья Сергеевна, когда директриса скрылась за поворотом.

Они зашли в класс, в котором было уже слишком шумно. Следом за Дмитриевым прошла Марья Сергеевна, и при ее виде класс становился тише, пока совсем не стих. Завуч присел на кресло, и Дмитриев начал урок, так в безмолвии

и продолжавшийся. Только иногда, когда Дмитриев что-то писал и за ним записывали ученики, он наклонялся к Марье Сергеевне, и она ему предлагала почаще и побольше задавать классу вопросов. Ни у кого на вопросы Дмитриева ответить не удалось, а две легкие даже для семиклассника задачи он решил будто для себя. Единственное, что от них было слышно после появления завуча, — тихое "До свидания", когда прозвенел звонок. По уходе нерадивых учеников Дмитриев благоговейно посмотрел на Марью Сергеевну и спросил:

— Как у вас это получилось?

— Вам, наверное, Елена Анатольевна сказала, что меня этот класс боится, — спокойно, смотря прямо в глаза Дмитриеву, казалось, с ноткой лести произнесла она.

— Чудо! Правда, какой бы я им вопрос не задал, они ни на один так и не ответили…

— Они бы и так не ответили. Я пойду, — сказала она после короткой паузы и пошла, стуча черными лакированными каблуками, из кабинета так гордо, будто одержала победу.

Дмитриев собрался пойти домой. Осознавая, что день прошел хорошо и что все не так плохо в работе преподавателем, как ему казалось, он спустился по лестнице крыльца и пошел вдаль, за забор и за многоэтажные серые и белые дома.

II

В первую субботу сентября, с пяти часов вечера до восьми в течение трех часов лил не переставая дождь. Дмитриев, заканчивая проверять тетради учеников и составлять план на следующую учебную неделю, загрустил. Холодный, ненастный день без солнца сменил темный, молчаливый вечер. Пока шел дождь, Дмитриев решил почитать художественную литературу. С верхней полки стеллажа, что стоял у правого изголовья кровати, он достал тоненькую, слегка потрепанную книжку. В ней, на одной из страниц, лежала закладка в виде крошечного металлического транспортира.

Дмитриев читал роман "Машина Времени" Герберта Уэллса. Он прочитал страниц семьдесят; на середине страницы глаза еле сосредотачивались на словах, и читать стало невозможно. Когда Дмитриев заметил, что дождь перестал, захотел выйти погулять. Молодой физик положил закладку на страницу, где остановился, захлопнул книгу и поставил на низкий и довольно-таки маленький стеллаж, на котором, как падающее домино, лежали полдюжины книг, в основном учебные: три учебника по физике, кулинарная книжка от прошлого хозяина квартиры и потрепанные два синих тома из собраний сочинения Гоголя. Взглянув на эти книжки, заглавие которых в потемках прочитать можно было, только если поднести их к глазам вплотную, Дмитриев захотел купить еще одну книжку, чтобы с ней в

руках коротать пасмурные дни и скучные и тоскливые вечера после проверки тетрадей.

Дмитриев включил в комнате лампочку, осветившую хорошо только угол, в котором и стояла, надел темно-синие джинсы, застегнул толстовку, коричневую кожаную ветровку и, завязав туго шнурки кроссовок, вышел из квартиры в подъезд и вскоре оказался на совершенно безлюдной улочке. Только миновал восьмой час, а оранжевое небо заката уже заменялось темным небом позднего вечера. Желтый свет похожих на букву "Г" уличных фонарей тускло освещал улицу, но даже такой близорукий человек, как Дмитриев, ее видел хорошо. Звезды на иссиня-черном небе из-за слабого освещения не показывались; только если отойти куда-нибудь за угол, где не видно ни зги и вечерняя мгла, казалось, окутала вокруг все пространство, то можно увидеть маленькие, размером в песчинку, белые точки, которые местами, как зрители в будний полдень на скучный и плохой фильм, расположились по всему этому неоглядному небу, широкому подобно раздольной безмолвной степи. Именно такая картина, словно написанная маслом, открылась Дмитриеву, едва он вышел за порог подъезда своего серого, похожего то ли на пепел, то ли на седину изможденного старика, невысокого дома, в стенах которых жили неизвестные ему люди. Время от времени он, конечно же, встречался с ними, когда они или заходили с мешками, наполненными продуктами, либо без них, или, наоборот, выходили из своих квартирок с черными полиэтиленовыми мусорными пакетами, ну или же просто, звеня ключами, выходили на улицу, затем шли к автобусной остановке или к своей машине и куда-то — куда, Дмитриев никогда не задумывался, потому что его это совершенно не интересовало, — уезжали. Его невысокий дом стоял по соседству с другим таким же, и обоим домам составляли компанию только березы, уже начинавшие сбрасывать свои листочки на неровный местами асфальт, скудная детская площадка, мусорная площадка с пятеркой кое-как уцелевших мрачно-зеленых, как трясина в глубоком месте леса, куда ни днем ни ночью не может попасть солнечный луч, контейнеров, а в ста - ста пятидесяти метрах от них — дорога, откуда можно было пойти куда хочешь. Рядом с подъездами то и дело стояли порой сезонами стоявшие на месте машины, в основном, отечественного производства.

Дмитриев, выйдя на крыльцо серого домишка, остановился покурить. Как и всегда в минуты одиночества и гробовой тишины, куря, он задумался о том, правильное ли решение принял, когда пошел в вуз учиться на физика. "Кажется, в этой школе я недолго протяну, — уныло говорил ему один голос, на что второй, более жизнерадостный, отвечал: — Да ладно! Ты еще не знаешь, какие ученики у тебя будут в ближайшие дни. Может, с кем-нибудь подружишься, может, найдешь именно здесь свое призвание..." — и вдруг этот радостный голос умолк. "Призвание... — подумал Дмитриев, когда, сделав очередную затяжку, пустил клубок дыма, не спеша улетевший во мглу вечернюю. — Кем мне все же суждено

стать? Буду ли я счастливым? Нужно ли стараться или можно просто плыть по течению?" — задавался он вопросами и не находил на них понятного ответа, который смог бы успокоить его всегда трезвый ум. Дмитриев перестал о чем-либо думать, только желая ощущать потихоньку начинавший приедаться вкус табака. Выкурив сигарету, он захотел найти ближайшее мусорное ведро, но не получилось — пришлось идти на дорогу в надежде найти место, куда можно выбросить ссутулившийся бычок сигареты. У дороги, где оказался Дмитриев, пройдя сто десять шагов, ночь по-прежнему молчала, и ни один автомобиль даже не дал намека знать о себе.

За ближайшим поворотом находился переулок. По обеим его сторонам стояли дома: фисташкового цвета двухэтажный, с цокольным помещением; чуть дальше него — такой же двухэтажный небесно-голубой дом (он казался в вечерней тьме совершенно синим), примыкавшим к фисташковому, с высокими окнами и двумя арками, одну из которых закрывали коричневые ворота со скудным узором из кривых желтых линий на дверцах, а другую — две деревянные застекленные двери. Напротив этих домов величественно стояло другое, бежевое, но слегка пожелтевшее трехэтажное здание с множеством кондиционеров у окон. Фасад этого здание был не таким скудным, как у его соседей напротив, у которых до преобразования в обычную "хрущевку" нужно сделать окна не прямоугольными, а квадратными, убрать арки у голубого дома, перекрасить их в серый цвет, добавить тройку этажей, напихать подъездов, сменить цокольный этаж у фисташкового подвалом, — и voila, как говорят французы, и вот уже Дмитриев и его соседи навряд ли бы смогли, даже напрягая все свое внимание, заметить какие-либо отличия от своего дома. Однако в этом здании есть еще рой комаров деталей, художественное описание которых заняло бы несколько страниц текста, да и тому же Дмитриеву восхищаться утонувшей в потемках красоте этого здания не хотелось, поэтому он продолжил идти под окнами, не замечая ее.

Он подошел к еще одной арке, только уже с обычными, черными, без замысловатых узоров воротами. Замок висел на воротах совершенно не к месту: проход был открыт для каждого и не мог больше закрыться из-за отсутствия двери. Проход в арку освещался только днем, и сейчас, в позднее вечернее время, стоя там в середине, увидеть что-либо можно было лишь благодаря слабо освещавшим улицу фонарям. Пройдя метров тридцать в почти что непроглядной тьме, Дмитриев оказался на заднем дворе строения, напротив которого стоял такой же, как будто под копирку, дом. Справа, прямо под его окнами, стояли три автомобиля, на которых краска, казалось, поглотила свет, не оставив и следа; в салоне мерцал синий огонек сигнализации, — невидимый при свете дня, но чуть ли ни единственный источник света здесь и сейчас, в ночной мгле, между двумя четырехэтажными строениями, куда даже тусклый свет луны за всю ночь, возможно, проникнет на ничтожное время, затем пропадет, и снова этот дворик погрузится во мрак.

Привыкшие к темноте глаза Дмитриева заметили еще одну арку в трех метрах от него, и он, прельщенный красноватым светом на той стороне, пошел вперед, но ему пройти дальше помешали слившиеся со тьмой еще одни ворота. Останавливаясь перед этими воротами, Дмитриев заметил, что с ними что-то не так. Они словно представляли из себя преграду, отделяющую его от красного света на той стороне. Он с трудом сосредоточил взгляд, пытаясь разглядеть детали, однако все же следы распыления искусственного света искажали обводку ворот. Вдруг ему показалось, что они начинают двигаться, превращаясь в медленно открывающуюся пасть тьмы, готовую поглотить весь мир. Показалось. Ни на секунду не отрывая глаз от этого зрелища, он почувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. Ухо его ловило слабое завывание прохладного ветра, донесшегося откуда-то сзади, как будто мир за его спиной внезапно проснулся и закипел незримой жизнью. Завороженный этим звуком, Дмитриев снова двинулся вперед, держась за стены прилегающих зданий, чтобы сохранить равновесие в тени, которая мгновенно его поглотила. Когда он подошел ближе к дальним воротам, искусственный свет раскрасил даже самые дальние уголки двора. Тогда приближающаяся стена света подарила ему еще одно зрелище, на этот раз — более уютное и приятное для глаз. Он подходил к очередному зданию.

В этом здании с бордово-красным кирпичом располагалась под тремя пластиковыми окнами пестрая, довольно оригинальная украшенная вывеска, гласившая: “Лавка старьевщика”. Лампочки на первых буквах плавно затухали, затем снова так же загорались. Второе слово, каждая буква которого была не похожа друг на друга — этакая смесь шрифтов разных родов и семейств, — в темноте показывалось постепенно: первая буква, зажигаясь, через чуть меньше секунды “передавала эстафету” следующей букве, и, таким образом, Дмитриев смог прочитать слово целиком. По левую и правую сторону слабо виднелись какие-то большие двери от морских контейнеров, увешанные на гвоздях кухонной утварью, бытовыми предметами — вроде настенных часов, — пилами, досками, поломанными рамами и другими мелкими приборами, о которых автор никогда и слыхом не слыхивал. Если бы не пластиковая дверь с окном, могло бы показаться, что лавка как раз и находилась прямо на улице. Но приоткрытая дверца красноречиво говорила об обратном. Дмитриев подошел к ней вплотную и попытался разглядеть хоть что-нибудь за ней спрятанное, однако дверца не хотела так сразу показывать незнакомцу то, что прятала. Слабый свет одного из двух светильников на карнизе попал на стекло, и единственное, что смог разглядеть Дмитриев — отражение своего как будто бы похорошевшего лица. Еще бы! Маленькие красные и коричневые точечки, которые и близко не были украшением его лица, пропали вместе с несильно проступавшей морщиной на лбу. “Лучше, чем в зеркале”, — подумал Дмитриев, глядя на собственное отражение. Вертикально прислонив ладони щекам, он в упор старался разглядеть хоть кого-нибудь в

надежде, что он случайно не зайдет в место, где ему не рады. Напрягая зрение, Дмитриев увидел только рядом стоящую зеленую тумбочку, нижнюю часть как будто разрезанного пополам буфета и стену, увешанную разного рода вещичками, — похожих на те, что висели у двери. Чуть дальше Дмитриев увидел, что тускло горел пучок свет. Никаких вывесок, что лавка закрыта, так что Дмитриев постучался и спросил, есть ли кто. Никто не отозвался (даже в такой жуткой, могильной тишине не улавливалось ни шороха, ни скрипа), и Дмитриев, открыв дверь, вошел в лавку.

Первое, что почувствовал Дмитриев, как только он оказался в помещении, — запах сырости и пыли: для такого места вполне предсказуемо. Осторожно ступая с целью не задеть какую-нибудь антикварную вещичку и тем самым не платить тысячи рублей за ее восстановление, Дмитриев пошел в то место, откуда исходил свет. Пройдя за половинчатый буфет, он увидел проход, заваленный с обеих сторон грудами вещей из совершенно разных времен и эпох: от посуды, принадлежащей поколению его прадеда, до сумок из ненатуральной кожи, наполовину сломанных чемоданов, каких-то кастрюлей, железных, армейских тарелок и много другого. Проход был, но надо сказать, что уместился бы в нем далеко не каждый человек. Дмитриев, несмотря на свою худощавость, пришлось идти по нему, слегка развернув свой корпус. Он дошел до половины и уже менее громко поинтересовался:

— Есть тут кто?

Послышалось, как протяжно скрипнул стул, за ним — шаги медленно ступающего человека. Дмитриев остановился, сделав шаг назад. Незнакомец через пару секунд показался Дмитриеву, и тот несколько удивленно посмотрел на него.

— Здравствуйте, — тихо сказал Дмитриев, разглядывая стоящего перед ним незнакомца. — Вы владелец этой лавки?

— Да, я, — грубым, как показалось Дмитриеву, голосу ответил мужчина в старой, с потертой в нескольких местах рубашке и темных запыленных джинсах. — Вы за чем-то конкретным пришли?

Сначала Дмитриев старался понять, дружелюбно ли настроен этот уже пожилой человек с седой колючей бородой и редкими волосами на почти полностью облысевшей голове. Задумался он на несколько секунд, и когда собрался ответить, владелец лавки приказал:

— За мной. Чего уставились куда-то как баран на новые ворота?

Дмитриев опешил, но последовал за мужчиной, успевшим скрыться за горой рухляди, которую, возможно, вообще можно было получить задарма.

Сделав один поворот влево, Дмитриев увидел своеобразный кабинет владельца и деревянный стол-тумбу, который мужчина начал разворачивать. В полумраке кабинета висела и тускло заливала своим теплым, но неярким светом лампочка, мерцающая два-три раза в минуту. Рядом с ней висели еще две таких же

лампы, однако тот, кто большую часть времени проводил с ними рядом, не удосужился их поменять неизвестно почему. Сам кабинет, что неудивительно, был завален от угла к углу полками. На полках то ли стояли, то ли лежали, то ли сидели вещи, как то: старинные и запыленные книги; кажущиеся золотыми самовары и чайнички; какие-то коробки с узорами, что обыкновенно вышивают на коврах; часы и серебряная посуда, горшки и разные фарфоровые изделия — словом, огромное количество этих и других вещей на полках просто *было*, и с их подсчетом не справился бы ни один человек, не говоря уж и о их владельце.

Мужчина достал откуда-то снизу полдюжины восковых свечей, поставил их аккуратно на деревянные подсвечники, зажег, и наконец в кабинете стало чуточку ярче.

— Так поздно ко мне никто никогда не приходит, — сообщил мужчина Дмитриеву. — Нет необходимости у меня эти две лампочки менять — он указал на них, — потому что днем хватает света! — владелец несколько секунд разглядывал своего позднего клиента, затем наконец к нему обратился: — ну, молодой человек, чего конкретного вы хотите найти здесь, в этом Богом забытом месте, ась?

— Да так. Книжки хотелось бы посмотреть какие-нибудь у вас, — сказал Дмитриев, смотря на сотни разных красивых и некрасивых предметов.

— Книжки? А, да пожалуйста. Любите читать, молодой человек?

— Ну немного да, люблю.

— Ну, пожалуйста, — с явным наслаждением в голосе произнес мужчина, повернулся к полке, уставленной книгами, достал небольшую стопку из трех экземпляров и поставил на свой стол. — Диккенс, вот, собрание сочинений его. Шекспир вот тут есть у меня еще… Пушкин, пожалуйста, выбирайте. Недорого, хочу я вам сообщить этим томики!

— Да это же целое сокровище у вас хранится! — сказал Дмитриев, листая страницы старинных, запыленных книг с желтыми страницами.

— Сокровище, которое никто не берет… Какое же тогда это сокровище? Хотя я эти книжки не выставляю. Сюда может любой прийти, но гостей у меня маловато. Да и те книги не берут, даже не интересуются. Обычно. “Надеюсь, вы не будете одним из тех”, — подумал мужчина.

— Прискорбно, — разочарованно резюмировал Дмитриев. Отложив вторую книгу на стол, он среди хлама, лежащего на столе, заметил остановившиеся часы с крупными числами на циферблате и почти полностью стертыми на нем надписями. — А, извините, почему все это барахло лежит на столе?

— Чего это барахло? Все нужно, нужно! Кто-нибудь придет, поинтересуется этим, как ты выразился, барахлом, да возьмет, а мне только лучше: денежку получу! — обидевшись на слова Дмитриева, владелец лавки привстал и принялся убирать книги. “Навряд ли ему все это интересно. Черт знает зачем он сюда пришел, этот

обалдуй! Сворует что-нибудь, да сдриснет. Ну и пусть с ним, все равно никто не берет, а от пыли скоро задохнусь — так хоть будет возможность слегка-слегка протереть пыль".

Дмитриев на самом деле пришел сюда не за тем, чтобы красть что-либо у этого престарелого человека, судя по внешнему виду и убранству помещения, практически без каких-либо средств. Он хотел купить какую-нибудь книгу, но, пока рассматривал произведения неинтересных ему авторов, заметил в ворохе нужных, по словам владельца, вещей карманные часы, которые исправно работали и показывали точное время — без двадцати двенадцать вечера. Часы, несмотря на свою ветхость, выбивались из общего фона предметов, наполнявших лавку и ждавших, как вдова свидания с почившим мужем, пока их кто-нибудь купит. "Вот, что я у тебя, старик, куплю, — решил Дмитриев, разглядывая часы. — К тому же еще и время правильно показывают... В отличие от других, которые он тут продает. Как будто они здесь кем-то случайно оставлены".

— Вы еще что-то хотите купить? — стоя спиной к клиенту и роясь в вещах, ответил владелец.

— А эти часики продаются? — поинтересовался Дмитриев.

— Нет! — тут же, повернувшись к молодому физику, ответил владелец и постарался выхватить их из рук Дмитриева, однако у него не получилось: медленные движения мужчины не могли сравниться с реакцией и ловкостью двадцатичетырехлетнего юноши.

— Почему?

— Они мои! Я забыл их на этом месте, дырявая, черт, голова!

— А... Если вы не хотите их продавать, то, пожалуй, я пойду, — все еще держа в руках, как оказалось, собственность владельца лавки, в самом деле собираясь уйти и пытаясь тем самым принудить продать его антикварную вещь, сказанул Дмитриев. "Это, я думаю, будет просто", — заключил он и сделал шаг назад.

— Постой! Ты куда?! Ладно, я продам их, только не уходите.

— За сколько продадите? — полюбопытствовал Дмитриев.

Владелец сурово посмотрел на часы; его взгляд выражал явное нежелание расставаться с ними, а если уж и сделать это, то потом не остаться ни с чем, сильно продав их за чрезмерно низкую цену.

— Семь с половиной тысяч! — думая, что это окончательная цена, победоносно заявил мужчина. "Или он отдает мне эти деньги и получает часики, или катиться к черту! — мысленно поставил он ультиматум юнцу. — Такого сложного клиента давненько у меня не было!"

Дмитриев не спешил с ответом; в его глазах читалось очевидное удивление и недовольство установленной ценой за такую хоть и старую, но раритетную, полезную и — самое главное — рабочую вещь. Всего секунду после объявления

цены он постоял, полез в карман своих джинсов и достал оттуда кошелек и купюры, что лежали в нем.

— У меня с собой даже трех тысяч нет — только две с половиной; ну еще, правда, есть мелочь, но семи с половиной не наберется — спокойно произнес Дмитриев.

— Тогда уходите. Придете, когда раздобудете семь с половиной, — хладнокровно, но находясь на грани между спокойствием и раздражением, ответил мужчина. — А как раздобудете, то могу вам в подарок что-нибудь отдать. Хоть все три книги забирайте потом, ей-Богу!

Недолгое молчание.

— Думаю, пускай они у вас останутся. Заплачу только тогда, когда они будут стоить хотя бы пять тысяч, — резко снизил цену часам Дмитриев

“Может, попробовать его за рюмочкой водочки уговорить дать мне эти семь с половиной? — размыслил мужчина. — Вот черт, какой ушлый попался! Если уйдет и не заплатит — завтра, лавочка моя дорогая, прощай. Нет, нужно что-то сделать”.

Владелец лавки закрыл глаза, усмехнулся и с деланной улыбкой предложил:

— А пойдем-ка, брат, поторгуемся не здесь, а в другом месте, м? Уже полрайона разбудили, пока тут болтали.

— Приглашаете? Ну, мне не свойственно отказывать. Поздно, конечно, но дома меня никто не ждет. К тому же завтра выходные, и режиму несильно повредить, если зарежусь на часик — другой.

— Ну так пройдем! Чего заждались? У меня и выпивка есть, пошли!

— Какая именно?

— Водка! — незамедлительно ответил лавочник, открыв деревянную дверь и спустившись вниз по кривым ступеням лестницы.

“Если напьется своей водки, то наверняка отдаст вообще бесплатно, — раскидывался мыслью Дмитриев. — Только бы самому не напиться этой отравы”. Молодой физик немного поискал место, откуда можно зайти за стол и спуститься вслед за лавочником, но не получилось: место будто было живым, поэтому наваленные в кучу предметы, давным-давно сдружившиеся с владельцем-старьевщиком, охраняли его от посторонних и неуклюжих людей. Дмитриев догадался опустить одно крыло пыльного раскладного стола-тумбы, пройти вперед, замести следы, и, приоткрыв дверцу, издавшую скрип дергача в ночной период, зашел внутрь и начал спускаться в темноту, откуда доносились шаги идущего враскачку человека.

III

Подвал, в котором оказался Дмитриев, как будто построили еще сотню лет назад, покинули тогда же, и сейчас он и лавочник зашли туда, нарушив вековой сон этого сырого, грязного, обросшего паутиной помещения. Однако лавочник, судя по количеству коробок, вещиц и стула со столом посередине пользовался подвалом не так уж редко, правда, он за ним нисколько не ухаживал, поэтому, стоя здесь, ощущалось, что находишься где-то посреди свалки с единственным исключением: противного запаха тухлых яиц, раскисших продуктов и Бог знает еще каких ароматов не чувствовалось.

— Темновато здесь… — хотел обратиться Дмитриев к лавочнику по имени, но забыл в пылу разговора о нем спросить.

— Еще как! Стариковские глаза хоть и не видят во тьме совершенно ничего, но я уже давно изучил это место. Могу тут жить без света хоть всю оставшуюся жизнь!

Дмитриев не стал спрашивать, как вообще возможно здесь не то, что жить, но хотя бы находится: не до этого было. “Часы. Не знаю, чем они меня привлеки — надо их брать, брать бесплатно”, — заключил Дмитриев и с нетерпением стал ожидать появление света.

— Одну секунду… Хоп-ля! — обрадовался лавочник и зажег две лампочки над столом, которые свисали на тоненьких проводах. Дмитриев сразу же заметил бутылку с водкой и стаканчики, давно припасенные лавочником здесь на случай встречи с доброжелательными клиентами. На самом деле хозяин давно не видел здесь никого, кроме собственного отражения в стоящей в углу, покрытом слоями пыли зеркале. Об этом чуть позже скажет сам старьевщик Дмитриеву, который, принимая его приглашение и направляясь к столику, чуть не споткнулся о маленькую коробку.

— Молодой человек, — обратился за несколько секунд до этого лавочник. — Под ноги себе смотрите, а то… Ну я же говорил! Тьфу ты, черт! — упомянув черта, он плюнул в сторону и по своей натуре пошел помогать Дмитриеву встать на ноги.

— Нет, я не упал, все нормально; сам встану.

— Вставайте, и впредь постарайтесь почаще смотреть под ноги! — отойдя, приказал лавочник Дмитриеву, затем сел за стол и начал наливать рюмку себе и молодому физику, который, вспомнив один важный момент, касающийся белой, осведомился:

— А закуска будет?

Лавочник от удивления развел руками, тут же положил на стол бутылку водки и поспешил наверх, как будто стыдясь тому, что забыл ломти ржаного хлеба и малосольные огурцы. Дмитриев посмотрел ему вслед и пожал плечами, мол, чего это он так разбежался? “Откуда он возьмет закуски: у него же и холодильника нет. Если он что-то из еды хранит где-нибудь под столом у себя, я, пожалуй, от

угощения откажусь…” — присев за стол и положив одну ногу на другую, мозговал Дмитриев. Пока он разглядывал углы, на которых, казалось, с каждой секундой становится все больше и больше паутины, лавочник открыл дверцу холодильника, что-то неразборчивое проворчал, закрыл (все это из-за мертвой тишины вокруг было слышно отчетливо, а молодому физику с его слухом так вдвойне) и зашагал обратно в подвал, который поседевший мужчина называл почему-то подсобкой: “Да не подвал это, а подсобка”, — ответил он как-то раз Дмитриеву на вопрос о возрасте этого подвала-подсобки.

— Извините! Будьте добры: малосольные огурцы, пару кусочков ветчины и ломтей черного хлебушка. Забыл, дырявая моя голова! Сам предложил и забыл закуски, ну, что такое-то! Господи!..

— Успокойтесь, все в порядке, — начал успокаивать его Дмитриев. — Я вот тоже решил полчаса прогуляться, посмотреть на витрины книжных магазинов, чтобы хотя бы знать, где они “проживают”, а в итоге, забывшись, я оказался здесь, куда ни один человек за книгами не пойдет! И, как вы видите, получаю приятное потчевание от вас. — Сказав это, он немного подождал. — Все хорошо! — уверенно заверил старьевщика Дмитриев, что, в самом деле, не о чем беспокоиться: бывает, и не такое еще забываешь.

Лавочник издал, выдохнув, мученический стон, сел на стул, взял рюмку водки и, грустно произнеся: “За наше здоровье”, выпил рюмку и тут же закусил. Дмитриев подумал, что белая развеет нахлынувшую внезапно на самого себя злость, и оказался прав: молча посмотрев в пол пару секунд, лавочник обратился со словами: “Ну что, пацан?” к Дмитриеву и пристально на него посмотрел.

— Что?

— Ты меня не уважаешь, пацан?

Дмитриев подумал, что же он подразумевает под этими словами, но этот немигающий взгляд лавочника не дал и пяти секунд на размышления.

— Уважаю, — ответил, стыдясь и смотря в сторону, Дмитриев.

— Так, а почему не выпил за мое здоровье, ась? За свое я выпил, а ты — нет. Это как называется?! — пояснил лавочник, на последней фразе перейдя на крик.

“Так вот, что ты имел в виду, старик. Я подумал, что мне уже не поздоровиться”, — успокоился Дмитриев и смело, чего у него не получилось бы сделать это с где-либо и с кем-либо, взял рюмку и выпил ее содержимое. “Как горько!” — промелькнуло в сознании Дмитриева, и он тут же взялся за ломоть хлеба, откусил его треть и, желая поскорее избавиться от этого противного привкуса, потянулся за огурцом, кусочки которого лежали на стеклянной тарелке. За каждым движением молодого физика следил его новый собеседник.

— Впервые водочку пьешь, пацан, да? — с неподдельным интересом спросил лавочник

— Ага.

— Знаешь, для первого раза вот так взять и выпить целую рюмку водки, — он расположил две ладони друг на против друга, показывая не рюмку водки, а бидон, — нужно быть предрасполож… предрасположенным — черт бы побрал это слово! — к выпивке, к тому же такой паленой! — неожиданно заключил для Дмитриева лавочник. — Родители-то у тебя пьют, пацан?

— Не-а, — чувствуя действие водки, ответил на негаданный вопрос физик. И про себя добавил: "Пил из алкоголя только сидр, да и тот быстро начал действовать. Конечно, я был тогда адекватным, но все равно творил, помню, какое-то сумасбродство… а от водки что же будет? А если он предложит выпить еще! Да наверняка предложит. Так, не забывать про часы. Уверен, что еще пропустим по несколько рюмок (я постараюсь не пить, как-то обмануть его зрение надо), да можно и начинать торг".

— Пацан, ты меня слушаешь вообще? — вырвал Дмитриева из размышления лавочник.

— Да. Я вас слушаю.

— Пацан, все же давай не будем так официально. Ты можешь обращаться ко мне на ты и звать меня по имени: Волков, Алексей Федорович, сын покойного Федора Кузьмича, — представился, как какой-нибудь стоящий навытяжку перед офицером солдат-новобранец так, как будто готов тут же броситься умереть по приказу. При воспоминании отца он налил себе еще одну рюмку, мигом ее опустошил и закусил ломтем и огурцом. — Хороший был человек… Досталась, правда, мне в наследство почти ничего, кроме этой свалки вещей ("Точно выразился", — подумал Дмитриев), которую держу последнее время себе только в убыток. Сначала, лет пятнадцать — двадцать пять назад сюда заходило много старушек, и они покупали себе всякие посудины, да вот уже они или померли, или нашли другое место, повыгоднее моей лавки, или сами устроили у себя в квартире лавку старьевщика…

Дмитриев понял: сейчас можно задать один вопрос и отправить в длительные размышления вслух того, кто представился как Алексей Федорович Волков — человек, судя по началу рассказа, далеко не счастливый.

— А кем был ваш отец? — не робея, поинтересовался Дмитриев.

— Кем? Да я уже и не помню… Умер он, когда я был мальчишкой; мне тогда лет семь было, когда он помер. Как себя помню, папаша, когда приходил домой, приносил мне какие-то безделушки вместе с продуктами, обещая мне принести завтра новую игрушку. Не приносил. Только говорил потом маме, что дела, дескать, идут плохо, никто у него ничего не покупает. Продавал он здесь всякие электроприборы, типа телевизоров, радиоприемников и магнитофонов, однако, как потом я узнал от мамы, все это было "говном низкого качества", — тут Волков усмехнулся. — Никогда не забуду эту фразу! Как же точно она выразилась,

молодец, мам! — он пропустил еще одну рюмку водки, и начал потихоньку, что нужно было Дмитриеву, пьянеть.

Скоро ответ на короткий вопрос молодого физика превратился в целый рассказ. Из него Дмитриев узнал, что некогда сидящий перед ним человек был женат, но вскоре, после семи лет брака, из которых счастливых было только первых три, супруги развелись, а его жена забрала дочь. “Любимая моя Ангелина Алексеевна!”, — как, выдув уже пятую рюмку, с любовью ее называл Алексей Федорович. Пожилой мужчина выучился с горем пополам в техникуме на электрика, тем самым продолжил давно заброшенное отцом дело по решению технических проблем с сложной аппаратурой. Волков еще долго рассказывал о том, как он дошел до того, что в пятьдесят два года продает подержанные и видавшие виды вещи, однако об этом мы умолчим: слишком много этот пожилой, такой же старый, как и то, чем он торгует двадцать шесть лет, пережил и прожил — так много, что его история затмит историю Дмитриева, с которым в будущем случится нечто необыкновенное.

После шестой рюмки и очередного рассказанного случая из жизни, связанного со своей семьей, Волков, не сдержав нахлынувших эмоций, пустил слезу, но продолжил говорить без умолку.

— Я так хотел, чтобы она приехала с моей любимой Ангелиной Алексеевной, но она (жена), приехала одна, разъяснила мне, что, дескать, моя дочка не хочет со мной, этакой заскорузлой пьянчугой, жить, да и никто не хочет больше! Потом она ушла и не попрощалась, а я был разбит горем; не сказать, чтобы я плакал, как-никак я мужчина и мне не следует рыдать — так я рассудил — но мне было плохо, ужасно плохо, и я даже помышлял об этом… — рассказывал Волков и, как тогда, пустил только одну слезинку — скупую, мужскую. Дмитриев с каждой минутой все больше поражался всему, о чем говорил Волков; он уже и забыть забыл о каких-то там часах, семи с половиной тысячи рублей, — так сильно на него действовала чувственная история, рассказанная совсем недавно незнакомым, а сейчас почти что близким и родным человеком. Очарование слов Волкова стирало временные границы, и Дмитриев начал ощущать связь с этим неприметельным человеком, которого он изначально боялся, — ощущал связь бóльшую, чем когда-либо с кем-либо. Рассказ о жизни был полон тоски и счастья по некогда прожитым годам, в основном, супружеских; он был также полон парадоксов и противоречий; он напомнил Дмитриеву о сложностях человеческого опыта, об уязвимостях человеческого существа и его силе духа. Он сидел и разговаривал сам с собой несколько часов, забыв обо всем на свете, в том числе и о том, кого он назвал “пацаном”. И деньги, и часы, и этот сырой, разлагающийся подвал, и бутылка водки, и сама лавка, — всё потеряло для него свою значимость, поскольку каждое слово Волкова открывало новые горизонты понимания. К концу разговора Дмитриев почти что считал Волкова своим родным, исключительным человеком,

чья жизнь и история навсегда оставят отпечаток в его сердце.

— Вот, дорогой мой, ты услышал историю моей жизни, — еле сдерживая слезы, дрожа от волнения, как от крепкого русского мороза и сильного северного ветра, Волков обратился к Дмитриеву, закончив свой, достойный целой книги рассказ.

После этих слов наступила тишина, длившаяся минут десять, во время которой собеседники даже не думали о том, чтобы посмотреть друг на друга, ни шевельнуться, ни нарушить безмолвие каким бы то ни было звуком, ни тронуть залетевшую муху, жужжавшую как целый рой пчел и ос одновременно.
"Я всего лишь хотел прогуляться, посмотреть на книги, — думал во время этой тишины Дмитриев, — а в итоге зашел в какую-то лавку старьевщика, выпил впервые водку и услышал, наверное, самую сильную, эмоциональную историю. Удивительно... Но что же будет дальше? Какая развязка у всего этого случая?" Дмитриев не знал ответа на свой вопрос — пытался найти в своем тереме сознания (автор не желает использовать ту клишированную фразу) ответ, но ничего не вышло. "Ну, остается только ждать — и больше ничего", — на том и решил Дмитриев. Ждать оставалось недолго.

— Пацан, — нарушил тишину неестественно спокойным, тихим голосом Волков, почесывая затылок, — я забыл спросить твое имя. Как тебя звать, а?

— Меня? — растерявшись, вопросом на вопрос ответил Дмитриев. — Ну, Иван меня зовут в жизни, а в школе — Иван Сергеевич, — он протянул руку.

— Что же, Ваня, — произнес Волков, пожимая руку своего собеседника, — тебя в школе твои однокашники уважают, что аж по имени-отчеству называют, или учительствуешь?

— Да, преподаю. Физику и астрономию, — сконфузившись, не глядя на Волкова, сказал Дмитриев. — Правда, ни один урок астрономии до сих пор не получилось провести: я только первую неделю в школе работаю, еще даже не со всеми учителями познакомился...

— А, здорово, молодец! — перебил и похвалил его Волков. — Давай о тебе, дорогой мой Ваня, поговорим. Так сказать, невестке в отместку сделаем: я тебе свою историю рассказал, а ты мне свою расскажешь! Вот так будем, а если нет — что же это получается? — снова он мало-помалу распалялся.

"Иван! — тут же послышался собственный голос совести в голове Дмитриева. — Вспомни: зачем ты сюда пришел? Что ты потом хотел сделать? Вспомни сейчас же, ведь для этого самое время. Этот старикан выпивает уже восьмую или девятую рюмку, в одиночку выцедив треть бутылки!" "Часы-то? — отвечал ему Дмитриев. — Ах, точно. Да, сейчас самое время для торга".

— Чего снова уставился как баран на новые ворота? — голос Волкова, как вылитый ушат холодной воды на спящего, пробудил Дмитриева.

"Действуй".